

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

теоретические основания и исследовательские практики

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В статье рассмотрены итоги Международной научной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» (Москва, 3-4 октября 2016 г.), представлен широкий круг проблем, поставленных докладчиками и подвергнутых обсуждению в ходе состоявшихся дискуссий, отмечены теоретические новации и позитивные сдвиги в разработке интердисциплинарных предметных полей и эффективных исследовательских стратегий.

Ключевые слова: историческая память, историческая наука, коммеморации, историческая культура, темпоральность, событие, идентичность, диалог культур.

Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики», организованная Лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» Института всеобщей истории РАН при поддержке Общества интеллектуальной истории, состоялась 3-4 октября 2016 года в Москве. Программа конференции была разработана в продолжение исследований в русле парадигмы «истории памяти», нашедших отражение в серии уже реализованных¹ и продолжающихся проектов², а также в материалах научных форумов, организованных Обществом интеллектуальной истории с начала нынешнего века³.

Оргкомитетом конференции были предложены к обсуждению следующие тематические блоки: актуальные проблемы познания прошлого и репрезентации исторического знания; история и память: социальные, моральные, когнитивные аспекты; время события и память о событии в режиме «долгого времени»; идентификационные практики в социальных коммуникациях и в историческом познании; диалог или конфронтация: проблемы идентичности, социального и межкультурного взаимодействия в «memory studies» и в исторической имагологии; «национальные нарративы»: от предромантизма к пост-постмодернизму; «злоупотребление историей»: конфликтогенные версии прошлого; «нарратив идентичности» как способ историзации социаль-

---

¹ Образы прошлого и коллективная идентичность... 2003; История и память... 2006; Время – История – Память... 2007; Диалоги со временем: память о прошлом... 2008; Образы времени и исторические представления... 2010; Кризисы переломных эпох в исторической памяти... 2012; Событие в истории... 2017.

² Проект «Историческая память как фактор национальной идентичности» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017 гг.).

³ См., прежде всего: Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции... 2008.

ных катастроф; образы прошлого в локальных и региональных историях; конструкты национальной истории и судьбы исторического образования; история идей и интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем; «ворота хронотопов»: способы освоения времени и пространства литературой и искусством; институты памяти в культурном пространстве информационного общества⁴.

Интерес к поставленным проблемам превзошел все ожидания: были получены 168 заявок. В программу конференции было включено 145 докладов. В конференции приняли участие ученые из десяти зарубежных стран (Бельгии, Венгрии, Германии, Италии, Канады, Молдовы, Польши, США, Франции, Швеции), сотрудники 14-ти научно-исследовательских институтов Российской Академии наук, представители сорока семи университетов из 32-х городов Центральной, Северной и Южной России, Поволжья, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Презентации докладов и дискуссии проходили в рамках пленарного заседания и восьми тематических секций.

Понятно, что даже вкратце изложить содержание всех сообщений в одном журнальном обзоре невозможно. Впрочем, заинтересованные читатели смогут ознакомиться с ними в сборнике материалов конференции, опубликованном к ее открытию⁵. С учетом этой возможности мы выборочно остановимся здесь на тех проблемных полях, на которых в большей мере было сконцентрировано внимание докладчиков и выступавших в прениях, а также на тех направлениях исследований, которые представляются наиболее перспективными и осмысление которых исключительно важно как для понимания общества, так и для самоидентификации научного сообщества.

Естественно, что в центре интереса участников конференции оказались проблемы, связанные с состоянием эпистемологии и методологии исторической науки, с общественным статусом истории и падением престижа исторической науки, с социальными функциями исторического знания, с соотношением истории, памяти и идентичности, с историческим временем, историческим сознанием и историческим событием, с постоянным переосмыслением и реорганизацией прошлого в череде поколений в контексте настоящего. Эти темы обсуждались и на пленарном заседании (В.А. Тишков, Аллан Мегилл, М.С. Киселева, В.Н. Сыров, Каролина Поласик-Вжосек и Войцех Вжосек, И.В. Побежников, Рольф Тоштендаль, И.М. Савельева) и в целом ряде секций.

---

⁴ В рамках конференции был также проведен круглый стол «История государства Российского» в свете формирования национальной идентичности и исторической культуры», посвященный 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

⁵ История. Память. Идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики // Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016. М.: Аквилон, 2016. 474 с.

Была всесторонне рассмотрена связь между национальным нарративом, коллективной памятью и идентификационными проблемами общества, обсуждалась проблема исторического времени и понятие исторической дистанции как обязательного в «объективном» историческом исследовании разрыва между прошлым и настоящим (З.А. Чеканцева). Особое внимание было обращено на т.н. «публичную», или «прикладную» историю», смысл которой нередко сводится к популяризации профессионального исторического знания, к обслуживанию отдельных групп, ассоциаций, бизнеса и пр., но это может быть также вариант культурной истории повседневности. Речь шла об изучении разнообразных форм и способов социального бытования созданного историками знания: коммеморативные практики, историческое знание в СМИ, в интернете, в школьных учебниках, в телепередачах, в работах художников, режиссеров, в рекламе, на улицах городов и пр. В такую «публичную историю» укладывается и изучение состояния академического знания во всех его социальных аспектах и с максимальным учетом исследовательских стратегий и практик ученых, что может способствовать преодолению разрыва между «кабинетным» историческим знанием и тем, которое распространяется в обществе.

На материале разных стран освещалась т.н. политика памяти или «историческая политика», осуществляемая в прошлом и особенно в современном мире – в процессе формирования нормативной идентичности и исторической памяти, который происходит не стихийно, а определяется государственной информационной политикой, направленной на формирование исторического сознания в определенном русле (И.Н. Ионов). А.В. Гордон остановился на политике памяти в современной Франции. Взаимоотношения истории и памяти в этой стране имеет значение для всех, поскольку запрос общества на историческую память был чутко воспринят французскими интеллектуалами, которым удалось не только объективировать память как предмет исторического исследования и матрицу истории, показать ее связь с «национальным романом», но и наметить контуры согласия по важнейшим проблемам идентификации. Работа с памятью – социальная и моральная обязанность государства, гражданского общества и профессионального сообщества ученых, причем у каждого участника этого процесса своя роль и ответственность в формировании умения «жить вместе».

О.Б. Леонтьева проанализировала историческую память как исследовательскую проблему современной отечественной историографии, включая вопрос о роли науки в структурах коллективной памяти, в формировании сознания социума. В России сложилась весьма влиятельная историография памяти, в которой важное место занимает изучение трагической и противоречивой памяти XX столетия. Множество работ посвящено изучению образов прошлого и исторических мифов

в сознании современного общества. Весьма перспективным представляется анализ противоречий между «книжной» историей и «живой» поливариантной исторической памятью различных групп населения с учетом региональной специфики (Н.А. Мининков, Л.В. Минникова).

В несколько ином ключе был поставлен вопрос о доминирующей роли официального историописания в Китае, как в древнем прошлом, так и в настоящем (Б.Г. Доронин), и специфической многоликости исторического знания в современной Индии, где не существует общепринятого ответа на вопрос, что такое индийская нация и кто может считаться ее членом (Е.Ю. Ванина). В научной истории, которая является основой образовательных программ, доминирует общегражданский национализм. Однако популярную литературу, интернет, музеи оккупирует «поп-история», являющаяся мощным инструментом «воспитания чувств» индийцев в коммуналистском духе.

Структура исторического сознания и роль исторической мифологии рассматривались сквозь призму представлений о прошлом, настоящем и будущем в современном социуме (А.Г. Иванов, О.Б. Божков и С.Н. Игнатов). А.А. Линченко на основе социологических опросов последних десятилетий XX века в разных странах проанализировал характер этноцентризма и конфликтогенные версии прошлого в историческом сознании современной молодежи, показав, что можно говорить, как минимум, о трех уровнях такого сознания: субстанциональном, национальном и субнациональном.

Важный ракурс проблематики памяти был затронут в размышлениях А.Б. Соколова об историческом образовании, о том, что приобщение школьников к изучению памяти позволяет сохранить альтернативность истории, уйти от национального нарратива, представляемого как единственно правильная версия истории. Познавательное и ценностное значение проектной деятельности студентов в архивах и музеях (с использованием фото- и кинодокументов), в исследовании коммеморативных практик продемонстрировала С.И. Быкова.

В докладах, посвященных анализу образов прошлого в семейной, локальной, региональной памяти и истории, обозначились три проблемные зоны. Первый круг проблем имел теоретическую направленность и выстраивался вокруг дифференциации предметных полей региональной/локальной истории: традиционное краеведение; историческое краеведение как разновидность исторической регионалистики; региональный ракурс изучения социокультурных объектов; контекстное восприятие региональной составляющей исторических исследований (М.А. Колесникова). Такое положение дел связано не только с множественной семантикой понятия «регион», но и с иным осмыслением пространства, которое стало возможным благодаря успехам сторонников «материального поворота», акторно-сетевой теории в социологии, гу-

манитарной географии, социальной топологии, делающих акцент на множественности форм пространственности, что, в свою очередь, дает пищу для размышлений о способах идентификации в них, в т.ч. посредством коммеморативных практик. Любой регион предстает как сложный и подвижный конгломерат пространственных представлений, зачастую конфликтующих друг с другом, в частности, распад модерна привел к появлению слабо или вовсе не связанных друг с другом идеологических пространственных дискурсов (О.В. Воробьева).

Соглашаясь с тезисом о двух культурных контекстах региональной истории, выступающей и в качестве «способа мобилизации исторической памяти», и в качестве «эффективного инструмента исторического познания»⁶, ряд докладчиков сосредоточили внимание на городской среде как пространстве памяти, обратившись к анализу памятных мест и целенаправленной деятельности по сохранению и трансляции коллективной памяти горожан. На примерах двух городов – Сарова (С.М. Дудкин) и Салавата (А.В. Жидченко) – было показано воздействие коммеморативных практик на выработку самоидентификации горожан, опирающейся на разные пласты исторической памяти, отмечена роль архитектурно-планировочного ландшафта и градообразующих предприятий, несущих в себе мощный коммеморативный потенциал. Внимание концентрировалось на объектах обжитой человеком материальной среды, намеренно созданных с целью фиксации, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах. Этому соответствовал и определенный набор сюжетов: производство памяти властью или влиятельными социальными группами (создание монументов, музеефикация, практики коммеморации) или, наоборот, уничтожение памяти; механизмы формирования исторических образов и динамика их развития в городской среде. Один из таких ресурсов – мемориальные доски, своеобразные «маркеры» городского пространства, способные сохранить память о государственных, общественных, военных деятелях, представителях науки и культуры, внесших свой вклад в развитие региона; вносить коррективы в массовые представления о конкретных фактах и событиях, выводя память о героях локальной истории из сферы частной (семейной, профессиональной) в открытое городское пространство и в пространство национальной истории (Е.А. Беседина, Т.В. Буркова). Аналогичное воздействие осуществляется и через такую специфическую форму репрезентации исторической памяти как региональные туристические путеводители (И.И. Руцинская).

Корпус докладов о средствах, механизмах и институтах формирования исторической памяти был объединен поиском ответов на вопросы

---

⁶ Репина 2013; 2017.

о том, как формируется и закрепляется историческая память в качестве ядра коллективного сознания общества, как она влияет на формирование идентичностей, каковы современные механизмы этих процессов. Докладчики активно использовали исследовательскую стратегию «case study», представляли опыт разных стран и регионов. Особое внимание было обращено на эвристический потенциал концепта «моральной экономики исторических образов» межэтнических и межгосударственных отношений. На примере формирования одного из вариантов т.н. «българистского» этногенетического мифа была продемонстрирована опасность «символического соперничества», часто ведущего к реальным конфликтам (А.В. Овчинников). В.А. Бухараев и Г.П. Мягков обратили внимание на практики институциональной коммеморации в области сохранения историко-культурного наследия в Татарстане, показав «бинарную» политику памяти, представленную масштабными проектами исторической реконструкции и музеефикации памятников древнего града Болгар и острова-града Свяжжск, как пример успешного формирования специфического полинационального нарратива. Другой пример формирования региональной идентичности (Ростовской области) с «отсылками к истории» рассмотрен М.А. Щегольковым на материале дискуссий в перестроечных печатных медиа, вокруг которых формировались нарративы о качестве. Средства реализации такой функции как «работа над прошлым» в исторической перспективе XX века были проанализированы на материале журнала «Огонек» (И.Е. Кознова).

В группе докладов получила освещение тема меморизации войны, в т.ч. механизмы сохранения и воспроизводства исторической памяти, связанной с образами войн на Кавказе. Л.Р. Хуг проанализировала современные практики коммеморации Кавказской войны XIX века в связи с рождением феномена «цифровой истории» (digital history), показав (на основе анализа фото- и видеоконтента популярных Интернет-ресурсов), что в борьбе различных политических сил за «присвоение прошлого» в наступившую «цифровую эпоху» успех или неуспех будет зависеть от овладения новыми методиками публичных репрезентаций. Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин продолжили кавказскую тему, исследовав словесные описания, визуальные изображения (в основном фотографические) и аффективные реакции, характерные для коммеморативных практик российских ветеранов локальных конфликтов, прежде всего первой и второй чеченских кампаний 1990-х – начала 2000-х гг.

Проблема памяти о Первой мировой войне была рассмотрена в свете первых опытов по ее меморизации в России (Ю.А. Жердева) и сквозь призму специфики визуальных способов репрезентации культурной памяти о Великой войне и «работе с травмой» в Великобритании (М.А. Оболонкова). В.А. Райкова проанализировала активную политику меморизации холодной войны в США.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг «новой событийной истории, вопроса об изучении истории исторического события в режиме «долгого времени», с учетом всех аспектов взаимоотношений событий прошлого, пластов коллективной памяти, профессиональных норм и индивидуальной субъективности историка. В характеристике отношения ученых разных эпох (от Геродота до Йорна Рюзена) к категории исторического события, было акцентировано внимание на проблеме сконструированности исторического факта/события, а также на проблеме селекции и выстраивания иерархии событий, которые часто приобретают особый статус (а нередко и неоднократно меняют его), только в контексте последующего хода истории. Необходимость рассмотрения исторического события сквозь призму взаимодействия образов социальной памяти, спектра интерпретаций, сложившихся в разных историографических традициях и подвергающихся ревизии в свете вызовов настоящего, ставит перед современной наукой целый комплекс проблем и требуют разработки новых исследовательских подходов с целью восстановлению «полномасштабной символической биографии» того или иного события в исторической перспективе длительной временной протяженности (Л.П. Репина).

Выступившие в прениях по этому вопросу (В. Вжозек, А.Б. Соколов, С.С. Минц и др.) обратили внимание не только на то, как формируется память о событии, но и на стратегии забвения, а также на роль социокультурных ценностей, идеологических пристрастий, политической ангажированности и личных приоритетов при определении значимости того или иного факта, на мифологизацию и рационализацию памяти об историческом событии. Ответ на прозвучавшие в дискуссии вопросы о критериях селекции и способах конструирования факта /события, о реальном событии как отправной точке создания его исторического образа и продолжении «жизни» события в коллективной памяти получил конкретизацию в докладах о событии, «которое не кончилось никогда», феномене Римского юбилея, в котором переплелись ветхозаветные идеи и древнеримские традиции (Н.А. Селунская); об эволюции праздника 8 мая в Орлеане, связанного со снятием Жанной д'Арк английской осады г. Орлеана в 1429 г., как феномене национальной памяти французов, которая в каждый определенный исторический момент наделяла это торжество совершенно особым смыслом (О.И. Тогоева); о парадоксальной меморизации небольшого эпизода, связанного с появлением французской колонии в Бразилии в XVI в. (О.В. Окунева), о событии высокой значимости для российской истории – отречении Николая II от престола (И.Г. Серегина).

В докладе А.Г. Васильева процесс формирования дискурса памяти в польской культуре как ответа на травму польских разделов был рассмотрен в свете концепции дискурсивных практик М. Фуко. Т.Н. Ива-

нова и О.О. Дмитриева проанализировали роль юбилейных коммеморативных практик в формировании памяти о событиях Отечественной войны 1812 г., выделив нарративную, визуальную, монументальную и церемониальную формы коммеморации. Проблема использования «воображаемыми сообществами», ставящими политические цели, образа реального события для создания социально-ориентированного исторического знания с конкретными идентификационными целями рассматривалась в докладе А.С. Листковой и С.С. Минц о факте казни красноармейцами 59 заложников 31 октября 1918 г. на пятигорском кладбище и его последующей поэтапной мифологизации.

Специфика традирования образов исторических событий (и персон) в разных странах в рамках длительных трендов была представлена как в плане сращивания истории и мифологии (Л.Б. Алаев), так и в масштабных проектах визуализации прошлого в форме мемориальных комплексов и в практиках исторических реконструкций, «демократизирующих» историю, в т.ч. в целях официальной пропаганды (Т.В. Алентьева). Повороты официальных репрезентаций биографий братьев Гримм в контексте германской истории XIX–XX вв. стали предметом анализа Н.Н. Баранова. Н.В. Ростиславлева показала, что инструментализированный в политических и военных целях в протяжении всего «германского века» образ О. фон Бисмарка только в условиях принудительной демилитаризации государства был подвергнут демифологизации и историзации. Как и в случае с братьями Гримм «безопасная» трактовка роли канцлера в становлении немецкого государства позволила сохранить его в пантеоне исторических личностей.

Имперским концепциям и практикам формирования общей памяти «подданных» на окраинах России был посвящен доклад Е.Л. Назаровой. Конструирование и использование исторической памяти в транснациональных пространствах в целях формирования идентичности социалистического лагеря, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого стало предметом изучения О.С. Нагорной, при этом особое внимание было уделено коммуникационным процессам вокруг формируемых «общих» исторических нарративов, а также юбилейной риторике, праздничным ритуалам, мемориалам. Возможности и границы персонификации институциональной истории с помощью привлечения к анализу некрологов (источникового воплощения коммуникативной памяти) продемонстрировал П.А. Орлов, показав, что подобная фиксация памяти позволяет реконструировать узловые пункты социальных сетей, личностные контакты и внутригрупповые конфликты.

Вопросы взаимосвязи и взаимодействия истории и памяти, «публичной истории» рассматривались в широком контексте актуальных общетеоретических, эпистемологических и методологических проблем

современной исторической науки. В докладе М.Ф. Румянцевой, посвященном смене типов рациональности были представлены развитие концепций источниковедения и смена «словарей» исторической науки. Е.А. Воронцова (Государственный литературный музей) обратилась к вопросу об организации исторической информации, о поиске действенных способов ее оптимизации, хранения и распространения, отметив негативное воздействие таких факторов как рассеивание и искажение информации и ограничение доступа к ней⁷. Л.А. Фадеева предложила комплексный анализ концепта идентичности, многозначность и дискуссионность понимания которого усиливается тем, что он разрабатывается и используется исследователями, стоящими на принципиально разных позициях. Особенности концепции нарративной идентичности у П. Рикёра, сближающего понятия объяснения и понимания (в отличие от подхода М. Вебера), рассмотрела М.П. Лаптева как один из ключевых моментов его концепции памяти и методологических рефлексий. Диалектическая взаимосвязь памяти с историей у П. Рикёра была подвергнута анализу А.Б. Аникиной в контексте репрезентативной проблематики «присутствия того, что отсутствует». Противостояние памяти о прошлом и понимания проблем настоящего было рассмотрено Е.Н. Кирилловой (ИВИ РАН) применительно к социальным категориям раннего Нового времени.

Проблема отношения к разным историческим эпохам, причины и характер изменений со стороны как профессионального сообщества историков, так и общества в целом была поставлена на материале «нового образа» Средневековья Ю.Е. Арнаутовой, которая обобщила опыт исследовательских проектов по воссозданию средневековых замка, бурга и монастыря, и на материале истории Пятой республики – Г.Н. Канинской. Исследователи показали важность поколенческого видения эпох и потребность отразить в историческом знании личный опыт, проживаемый непосредственно или специально воссоздаваемый. Анализ личных обстоятельств и мотивации участников идеологических компаний конца 1940-х гг. (на примере дела известного антиковеда С.Я. Лурье) позволил А.А. Мировщиковой и А.М. Скворцову выявить различные модели поведения и истинные цели выступавших на «проработке». Подойдя к диссертациям как особому виду научных произведений, Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина проанализировали представление в них национальной истории, проследив в изменении тематики и подходов к историческим проблемам появление во второй по-

---

⁷ Институциональные аспекты истории памяти находятся в центре внимания продолжающегося исследовательского и научно-издательского проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» (Глав. ред. серии – Л.П. Репина). См.: Роль музеев... 2015; Роль библиотек... 2016.

ловине XIX – начале XX в. социально ориентированного знания, нацеленного на создание национально-государственного нарратива.

Материалы докладов по проблемам межкультурного взаимодействия в *memory studies* и в исторической имагологии делают очевидным, что соперничающие парадигмы исторической памяти и исторического объяснения отражают борьбу противоречивых региональных интересов и программ развития в условиях глобализации. В центр внимания докладов и сопровождавших их дискуссий была поставлена важная проблема вариативности/избирательности памяти, закрепленной в текстах, принадлежащих к разным религиозным и историко-литературным традициям, в частности, вопросы соотношения религиозной и секуляризованной памяти (А.М. Шпирт). В докладе В.В. Кутявина «Гетерогенные этнические стереотипы как саморепрезентация» роль образов Другого в обнаружении глубинных качеств, ценностей и смыслов собственной культурной общности, выступающих в качестве эталонных, была проиллюстрирована примерами русско-польского взаимодействия после восстания 1830-31 гг., формирования в сознании поляков образа русского как «идеального чужого». Были рассмотрены сложные, конфликтные отношения российского «мира миров» и кавказского «мира миров», параметры и векторы эволюции горской идентичности, пути преодоления «стабильной противоречивости» отношений горского и имперского миров, выработанные в практической политике империи, а также вопросы, связанные с последствиями событий Кавказской войны для исторического сознания и исторической памяти народов Северного Кавказа (С.С. Лазарян).

Доклад О.С. Поршневой, предпринявшей по мемуарам Альфреда Нокса реконструкцию образа русского народа в восприятии западного очевидца событий Русской революции 1917 г., вызвал вопросы о соотношении представлений Нокса с колониальными стереотипами, бытовавшими в других западных странах. В докладе В.С. Мирзеханова о международной колониальной выставке 1931 года в Париже были выявлены доминирующие характеристики сознания французского общества по колониальному вопросу, по которому, в отличие от других общественно-политических проблем, разделяющих общество и различно трактуемых политическими силами, был характерен консенсус в позитивной оценке «цивилизаторской миссии» Франции в колониях, что представляет несомненный интерес с точки зрения исследования эволюции имперского сознания европейских обществ в Новое и Новейшее время, с присущими ему колониальными и ориенталистскими стереотипами, широко представленными, к примеру, в разных средствах художественной пропаганды, в частности, в кинематографе (С. Голубкина), или же в рамках мемориально-исторической стратегии афроцентризма, представляющей альтернативную модель этноцентризма,

базирующуюся, в отличие от евроцентристского дискурса западных колонизаторов, на идеях о центральном (срединном) положении Африки в мировой истории и культуре (Н.Е. Хохолькова).

Среди докладов, посвященных истории идей и интеллектуальных традиций от Античности до Современности большой интерес вызвало обсуждение феномена эллинизма, проблема осознания эллинами своей идентичности с позиции «греки / не греки (варвары)», или «свой–чужой», начиная с периода колониальных экспедиций VIII в. до н.э. (Ю.С. Обидина). В докладе были выделены разные типы идентичности греков, а именно, «общий», основанный на социокультурных ценностях, сформировавшихся в эпоху архаики, и «усложнённый», возникший позже – в связи с отношением к «чужим». Тема самоидентификации позднеримского населения Египта (на примере этнорелигиозной общности коптов) была предложена к обсуждению М.А. Ведешкиным, который поставил вопрос о том, каким образом в текстах коптского монаха выстраивается риторический дискурс, направленный на формирование образа врага-язычника, как составлялись идентификационные маркеры для позитивной и негативной этнорелигиозной самоидентификации коптов. Одна из центральных проблем античного философского дискурса – структуры души и аффективного начала, была исследована на примере Посидония, которому пересмотр и корреляция раннестоической теории страстей позволили рассуждать об иррациональном как вполне естественном элементе человеческой психики (А.В. Хазина). Обсуждался вопрос рецепции и трансформации греческого знания в раннем Средневековье, в частности, было рассмотрено, в какой степени и каком виде у авторов этого периода проявились элементы естественнонаучных концепций, восходящих к Аристотелю, отмечен синтез платонизма, неоплатонизма и аристотелизма, вошедших в христианскую религию и культуру (М.С. Петрова). Была продемонстрирована эвристическая функция разграничения (проведение границ – природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных и др.) в арабских географических описаниях IX–X вв., показано, что разграничение выступало как универсальное средство не только систематизации, но и интерпретации имеющихся сведений (И.Г. Коновалова). Второй блок докладов был посвящен развитию новых идей и представлений в эпохи Возрождения (Н.И. Девятайкина) и Просвещения (В.В. Высокова, О.В. Хаванова), в контексте становления верифицируемой модели национального прошлого и национально-государственной идентичности. Третий блок докладов был сосредоточен вокруг русской интеллектуальной традиции (С.Е. Любимов), развития историософской мысли (В.Б. Шепелева, Е.В. Бессчетнова), становления разных исследовательских стратегий (Т.В. Чумакова, И.А. Гордеева).

В целом, необходимо отметить большое количество вопросов, заданных в ходе обсуждения секционных докладов, конструктивный и содержательно-полемический характер комментариев к ним. Оживленные прения развернулись, в частности, вокруг вопросов по поводу целесообразности дальнейшего развития теоретических дискуссий об исторической памяти, а также относительно продуктивности реализации основанных на локальном или национальном материале исследовательских кейсов, о перспективах соединения индивидуальных, групповых, государственных и транснациональных трендов памяти, о возможности привлечения к анализу новых видов исторических источников и «коэффициенте полезного действия» при их анализе. В докладах и прениях, в т.ч. в выступлениях молодых ученых из региональных научно-образовательных центров, проявился устойчивый интерес к исследовательским стратегиям и овладению языком интеллектуальной истории, что свидетельствует об успехах в утверждении научных традиций этого междисциплинарного направления в нашей стране.

Все рассматриваемые проблемы оказались «стянутыми» к таким ключевым сюжетам, как пути конструирования национальной идентичности, методы и механизмы реализации «политики памяти», «мемориальный уклон» в современной исторической культуре. Был актуализирован широкий спектр проблем, связанных с интерпретацией сложной взаимосвязи исторической памяти и идентичности как феноменов индивидуального, группового и коллективного сознания, их влияния на практики историописания и межкультурного диалога в истории, с вопросом о роли национально-государственного нарратива в конструировании или, наоборот, деконструкции мифов исторической памяти. Были намечены интересные параллели, выявлены характерные для определенных эпох принципы инструментализации памяти государственными институтами, социальными группами и индивидуальными акторами, поставлен вопрос о формах давления на индивидуальную память со стороны коллектива, которые активнее всего проявляются в периоды кризисов и катастроф, когда возникает острая потребность в групповой консолидации. Со временем и личная, и коллективная память обогащается историческим прошлым, и, благодаря политике памяти и практикам коммеморации, историческая память формируется как своеобразный гибрид «книжной истории» и живой социальной памяти.

Состоявшееся обсуждение, как представляется, позволит докладчикам наметить пути дальнейших исследований и завершить их соответствующими публикациями. В целом, работа конференции свидетельствует о том, что в сообществе отечественных гуманитариев происходит обновление исследовательских подходов, переосмысление места исторической науки в обществе и в пространстве социально-гуманитарного знания, формируется новая интеллектуальная культура.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. 320 с.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- История. Память. Идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики // Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016. Лаборатория «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры», Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. 474 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2003. 408 с.
- Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.
- Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 262-273.
- Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. 672 с.
- Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.
- Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. 394 с.
- Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с. (в печати).

REFERENCES

- Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2008. 800 s.
- Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki // Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 3-4 oktyabrya 2016. Laboratoriya Issledovaniya istoricheskoi pamyati i intellektual'noi kul'tury, Institut vseobshchei istorii RAN, Obshchestvo intellektual'noi istorii / pod red. O.V. Vorob'evoi, O.B. Leont'evoi, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantsevoi. M.: Akvilon, 2016. 474 s.
- Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2006. 768 s.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2012. 336 s.
- Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2003. 408 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2010. 960 s.
- Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga / Pod obshch. red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2017. 400 s.
- Repina L.P. Teoreticheskie osnovaniya i perspektivy regional'noi istorii // Prepodavatel' XXI vek. 2013. № 3. S. 262-273.
- Rol' bibliotek v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; отв. red. A.O. Chubar'yan, V.R. Firsov. M.: Eterna, 2016. 672 s.

Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; otv. red. L.I. Borodkin, A.D. Yanovskii. M.: Eterna, 2015. 752 s.

Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti / Pod obshch. red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2017. 400 s. (v pechati).

Teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Otv. red. L.P. Repina. M., 2008. 394 s.

Vremya – Istoriya – Pamyat': istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2007. 320 s.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, рук. Центра сравнительной истории и теории цивилизаций ИВИ РАН; vorobushek1@yandex.ru

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; tivapan@mail.ru

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, kkirillova@mail.ru

Мяжков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета; gmyagkov@yandex.ru

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета; nagornja.oxana@mail.ru

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; acheckantzev@mail.ru

“History, Memory, Identity Theoretical Foundations and Research Practices” (international conference)

The article looks into the results of the international conference “History, memory, identity: theoretical foundations and research practices” (Moscow, 3-4 October 2016): it presents a wide range of problems that have been discussed by speakers and participants, lists theoretical innovations and positive changes in interdisciplinary fields and effective research strategies.

Keywords: *historical memory, historical discipline, commemorations, historical culture, temporality, event, identity, dialogue of cultures*